

Цирк без ярких красок

Что стоит за происшествием,
случившимся на иркутском манеже?

Завершил свой очередной сезон цирк областного центра. Немало приятных минут выпало на долю маленьких зрителей, побывавших здесь, и их родителей. Но не только приятные воспоминания оставил минувший сезон. Последним из гастролеров покинул на днях Иркутск артист М. Фурманов, который с номером «Переходная лестница» выступал в марте в программе заслуженного артиста Армянской ССР М. Багдасарова. Коллектив М. Багдасарова закончил выступления у нас в области в конце апреля, а Фурманову иркутские врачи разрешили уехать только сейчас. Почему! Вот что рассказал этот артист, побывав у нас в редакции.

— Ярко и празднично в цирке в день премьеры очередной программы. Реклама, огни, музыка. Вот открывается занавес, звучат фанфары, начинается парад-алле. На арене один номер сменяет другой. Среди блеска костюмов, улыбок артистов очарованный представлением зритель даже не замечает накладок, связанных с премьерой. Зритель видит только красивый праздник. И не каждый в этот момент задумывается о том, как живет артисту цирка, какие у него заботы, огорчения.

В нашем «хозяйстве» полным ходом идет коллективизация. Только не колхозы создаются, как в 30-е годы в стране, а цирковые коллективы. На базе крупного аттракциона собираются номера разных жанров. Печально, что объединение номеров проходит в приказном порядке из кабинетов Союзгосцирка. И возглавляет программу, как правило, хозяин аттракциона: автоматически, на правах сильного. Так редки в этих коллективах единомышленники.

Я почти двадцать лет в цирке. Работал в одних программах с Карандашом, Енгигаровым, Игорем Кио. Приятные воспоминания от коллектива, которым руководил Михаил Иванов. Все вопросы творческого плана решались без проволочек, у артистов была заинтересованность сделать программу более праздничной, оригинальной, на дневных представлениях ставились настоящие детские спектакли. Не помню, чтобы в этом коллективе случались склоки, были бы необоснованные претензии к кому-нибудь из артистов.

А в декабре минувшего года «судьба» забросила меня в коллектив заслуженного артиста Армянской ССР М. Багдасарова. То, с чем я столкнулся в первые же дни, возмутило меня до глубины души. Я не переношу грубость, а Багдасаров, мне показалось, знает только грубые слова. С людьми он разговаривает в тоне приказа, часто переходя на мат, да еще при свидетелях. Если же кто-то справедливо оскорбляется, проявляет недовольство руководителем, его убирают из коллектива. Так, исключили из программы номер Филимоновых: составили на них документ в Союзгосцирк, что они не нужны коллективу. Почему не нужны? Просто руководитель номера оказался не согласен с Багдасаровым по

ряду производственных вопросов... Изгнали служащего по уходу за животными Турчанинова: Багдасаров избил его за то, что он отказался выполнять чужую работу (работу братьев Багдасарова). Не смогли найти общего языка с заслуженным артистом дрессировщицы Т. Великая и Г. Кыстаубаева.

Между прочим, всех этих неугодных выгоняет не «хозяин» (иначе могут плохо подумать о нем), а актив коллектива: парторг, профорг, комсорг. Правда, их постоянное единомыслие с Багдасаровым объясняется просто: за исключением профорга Гарсеванишвили, актив «умещается» в семье парторга Васина. Жена — председатель женсовета, дочь — комсорг. За их подписями уходят отрицательные характеристики и приказы о выговорах в главное управление Союзгосцирка.

Художественный руководитель подкармливает «свой» актив если не мясом, то подачками в виде дополнительных разовых оплат и премий. В Иркутске коллектив Багдасарова заработал премию за «неповторимое впечатление и воздействие на зрителей». Распределял ее Багдасаров в кругу друзей, лишь самые преданные получили максимальную сумму.

У меня с первых же дней начались столкновения с Багдасаровым. Дело в том, что я выполнял, кроме руководства номером, обязанности инспектора манежа. Через инспектора манежа непременно проходят табели на оплату труда артистов, ассистентов, служащих, он прежде всего отвечает за поведение артиста на манеже, за технику безопасности. Как кричал и возмущался Багдасаров, когда я отказывался подписывать заявления на дополнительную оплату! Особенно обострились наши отношения в феврале, когда мы заканчивали гастроль в Красноярске и собирались ехать в Иркутск. И я понял, что Багдасаров будет искать любой предлог, чтобы избавиться от меня.

Повод появился в Иркутске, в марте. Один из наших артистов решил во время представления применить открытый огонь. Я очень хорошо знаю приказ Союзгосцирка, который запрещено применять открытый огонь при исполнении трюков в любых цирках страны. Ведь, не дай бог, одно

неверное движение — и от упавшего на манеж факела возникнет пожар. За последние три года у нас сгорели два цирка: старый Московский и «Шапито» в парке культуры имени М. Горького. Помня это, я, как инспектор манежа, задушил огонь и не разрешил показывать этот трюк.

На следующий день директор цирка В. Петров издал приказ, где за «бестактность, хулиганские выходки» меня освободили от обязанностей инспектора манежа, а ведение программы возложили на Багдасарова. В поисках справедливости я отправился в Госпожнадзор и в прокуратуру. Об этом быстро стало известно Багдасарову, и он окончательно решил избавиться от меня.

Спустя несколько дней случилась трагедия. Во время исполнения номера я упал и получил тяжелую травму. Прямо с манежа меня увезли в реанимацию 3-й городской больницы: с сотрясением спинного и головного мозга, со всевозможными осложнениями.

Есть ли связь между происшествием, отстранением меня от работы инспектором манежа (кстати, прокурором Кировского района Иркутска приказ директора цирка был опротестован) и нашими отношениями с Багдасаровым? Есть. Багдасаров создал нервную обстановку вокруг меня и моих партнеров, продолжал грубить нам, не давал нормально репетировать. Нас поставили в программе вторым номером, после джигитов, что никогда не делается: для подготовки к «аппаратному» номеру требуется время. Надо тщательно расстелить ковер после лошадей, не менее тщательно установить аппарат. Нам отвели на это всего 3—4 минуты. За это мизерное время мне было трудно все предусмотреть. Я был занят установкой аппарата, а Багдасаров, будучи в тот момент инспектором манежа, не проследил, ровно ли застелен ковер. Во время исполнения трюка аппарат сильно покачнулся и...

Происшествием занималась прокуратура. Состав преступления не нашли. Я и не считал, что там было преступление. Была халатность со стороны Багдасарова из-за его отношения ко мне. Самое же обидное, что в случившемся обвинили отнюдь не его, а... меня и главного инженера цирка.

Я попал в больницу, но мой номер вполне мог работать и без меня. Моя партнерша (жена) ходила к директору цирка, просила разрешения на продолжение работы, но безрезультатно. Тем самым мои партнеры оказались на долгое время на голодном пайке...

Месяц я пролежал в больнице, еще больше месяца по настоянию врачей провел в Иркутске. После перенесенной травмы я вряд ли теперь смогу выйти на арену. Поэтому лично мне уже не «грозит» участие в программе М. Багдасарова. Но жизнь в цирке, несмотря ни на что, продолжается. Будут приходить молодые артисты, и, попав в Багдасаровскую «мясорубку», многие из них могут не выдержат, сломаться, потерять интерес к своей профессии. Из-за таких руководителей наш цирк теряет не только артистов, но и зрителей. А мы, рядовые цирковые артисты, терпим веру в справедливость.

Кто оплатит эти потери?

Монолог записал
В. МАЗУРОВ.